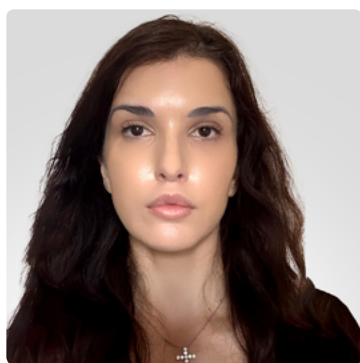

Теоретические подходы к исследованию социально-психологических факторов киберагрессии у студентов

Шубина Алена Игоревна

Аспирант кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Российская Федерация
e-mail: siphone666@yandex.ru

Научный руководитель

Подольская Татьяна Афанасьевна

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Российская Федерация
e-mail: tpodolskaya@list.ru
SPIN-код РИНЦ: 9735-5743
ORCID ID: 0000-0003-0337-051X

Аннотация

Статья посвящена анализу теоретических подходов к исследованию социально-психологических факторов киберагрессии у студентов. Рассматривается феномен агрессии в истории науки, социальные и средовые факторы киберагрессии, проводится анализ исследований личностных, когнитивных и ситуативных факторов киберагрессии у студентов. Обобщение результатов исследований показывает, что разные типы киберагрессии имеют различную психологическую подоплеку, тем самым подтверждая сложность детерминации данного феномена. Теоретический анализ позволяет делать выводы об особенностях действия различных факторов развития и проявления киберагрессии у студентов. Показано, что социальные и средовые факторы создают питательную среду для киберагрессии, не просто провоцируя ее, но и формируя ее восприятие как допустимой формы коммуникации и самоутверждения. Личностными факторами киберагрессии студентов выступает специфическое сочетание черт «Большой пятерки» (низкая доброжелательность и добросовестность, высокий нейротизм), ориентация на индивидуалистические ценности при дефиците самоограничения, избирательность и рационализация в работе моральных оснований. Когнитивные и ситуативные факторы выступают непосредственными триггерами агрессивного акта.

Ключевые слова

• киберагрессия • студенты • социально-психологические факторы • социальные факторы • средовые факторы • личностные факторы • когнитивные факторы • ситуативные факторы •

Введение

Интернет-контент и социальные сети являются сегодня существенной частью жизни всех возрастных групп пользователей, особенно молодежи и подростков и важным фактором их социализации и личностного развития.

В поле зрения исследователей находятся различные проблемные области: виртуальное пространство и его влияние на поведение подростков и молодежи [15; 23], различные формы проявления девиантного поведения в интернет-среде [25], деструктивное влияние виртуальных социальных сетей [26], причины кибербуллинга [3; 4; 8; 10] и многие другие [14; 16-19].

В последнее время предметом исследований часто становится феномен киберагрессии. Под киберагрессией понимаются целенаправленные деструктивные действия, совершаемые в интернете с использованием электронных средств коммуникации и нацеленные на причинение вреда другим пользователям [2; 3]. Этот феномен, хотя и не предполагает физического контакта, способен приводить к серьёзным психологическим травмам, развитию тревожности, депрессии и даже суицидальным мыслям у жертв, что подтверждается исследованиями последствий кибервиктимизации [2; 3].

Феномен киберагрессии в формах кибербуллинга, троллинга, хейтинга, флейминга и иных деструктивных онлайн-практик стал неотъемлемой частью общения в цифровом пространстве. Студенчество как социальная группа с максимальной цифровой включенностью, активной личностной и социальной идентификацией, оказывается одновременно и наиболее уязвимой, и наиболее вовлеченной в эти практики.

Актуальность исследования социально-психологических факторов киберагрессии у студентов обусловлена комплексом взаимосвязанных причин. Во-первых, виртуальная коммуникация пронизывает все сферы жизни современного вуза, создавая новые пространства для конфликтов и их эскалации. Во-вторых, психологические последствия киберагрессии (тревожность, депрессия, социальная изоляция, суицидальные мысли) несут серьезные риски для психического здоровья и академической успеваемости студентов. В-третьих, несмотря на растущий объем исследований, понимание глубинных механизмов киберагрессии остается фрагментарным: преобладают работы, изучающие либо личностные предикторы, либо ситуативные триггеры, в то время как целостная, системная модель социально-психологических факторов киберагрессии, интегрирующая историко-философские, психологические, социальные и когнитивные детерминанты, остается недостаточно разработанной.

Отсутствие единой теоретической модели, интегрирующей ключевые факторы киберагрессии у студентов, затрудняет как понимание природы агрессивного поведения в интернет-пространстве, поведения, так и разработку эффективных профилактических программ.

Целью данной статьи является анализ теоретических подходов к исследованию социально-психологических факторов киберагрессии у студентов.

В соответствии с этой целью необходимо:

— рассмотреть историю изучения феномена агрессии;

- проанализировать современные научные представления о социальных и средовых факторах киберагрессии;
- выявить особенности изучения личностных, когнитивных и ситуативных факторов киберагрессии у студентов.

История изучения феномена агрессии

Феномен агрессии, будучи одной из наиболее древних и трагических граней человеческого существования, на протяжении всей истории науки оставался в центре внимания философов, а позднее — психологов и социологов. Изучение агрессии представляет собой сложный междисциплинарный узел, где пересекаются вопросы о природе человека, истоках зла, пределах свободы, механизмах социального контроля и перспективах выживания цивилизации.

История научного и философского осмысления агрессии есть история попыток ответить на мучительный вопрос: является ли деструктивность имманентным, роковым свойством человеческой природы, или же она есть продукт искажённых социальных условий, поддающихся исправлению? Этот вопрос, поставленный ещё в античности, с невиданной остротой звучит сегодня, в эпоху цифровых технологий, глобальных конфликтов и антропологического кризиса.

С.А.Храпов и С.В.Копылова отмечают, что в древних мифологиях и ранних философских системах агрессия часто осмысливалась как космологический или теологический принцип. Уже у Гераклита борьба («полемос») — отец всего и царь всего; созидательный конфликт противоположностей есть двигатель мирового процесса. Однако это была, скорее, метафизическая агрессия, абстрактная сила становления. Конкретное человеческое насилие и жестокость получали иное объяснение — через призму невежества, утраты гармонии или божественного гнева [22].

Сократ, совершивший поворот к антропоцентризму, утверждал, что никто не творит зло сознательно, а лишь по неведению. Зло — есть следствие незнания истины и блага. Аристотель, определяя человека как «политическое животное», заложил основы понимания агрессии как сбоя в социальном взаимодействии, хотя и признавал наличие у некоторых людей «рабской природы», склонной к пороку [22].

Эпоха Возрождения, провозгласившая человека мерой всех вещей, сместила акцент с божественного предопределения на человеческую ответственность и творческую мощь. Агрессия стала рассматриваться не только как грех, но и как результат неправильного воспитания, дурных примеров, несовершенства социальных институтов. Гуманисты верили, что через образование, искусство и культуру можно укротить деструктивные страсти. Просвещение XVIII в., с его культом разума и верой в прогресс, поставило вопрос о социальных и правовых механизмах обуздания агрессии.

XIX век принёс революционные изменения. Карл Маркс перенёс анализ агрессии в социально-экономическую плоскость. Для него корень насилия — в отчуждении, в классовой эксплуатации, в самой структуре капиталистического общества, порождающей антагонистические противоречия. Агрессия пролетариата (революция) есть ответная, исторически оправданная реакция на системное насилие со стороны буржуазии. Этот подход впервые позволил увидеть в агрессии не просто индивидуальный или случайный порок, а закономерный продукт определённого общественного устройства [22].

Подлинный прорыв в понимании внутриличностных механизмов агрессии совершил Зигмунд Фрейд на рубеже XIX–XX вв. З.Фрейд постулировал существование в человеке не только инстинкта жизни (Эроса, либидо), но и инстинкта смерти (Танатоса), врождённого влечения к разрушению и возвращению в неорганическое состояние. Агрессия, таким образом, была возведена в ранг фун-

даментальной, биологически укоренённой силы. Социальность и культура, по З.Фрейду, возникают как результат сублимации и перенаправления этой разрушительной энергии, но всегда ценой вытеснения и невроза. Концепция «катарсиса» — отреагирования агрессивной энергии в безопасных формах (например, в спорте или искусстве) — стала одной из первых научных моделей управления деструктивностью [22].

XX столетие сделало проблему агрессии центральной для целого спектра наук. Этолог К.Лоренц в книге «Агрессия (так называемое зло)» развил идеи З.Фрейда, но на зоологическом материале. Он рассматривал агрессию как полезный для вида инстинкт, способствующий расселению, отбору лучших особей и защите потомства. Однако у человека, по К. Лоренцу, в силу исчезновения естественных врагов и ослабления врождённых запретов на убийство себе подобных, этот инстинкт «сошёл с рельсов», превратившись в саморазрушительную силу [1].

В своем анализе феномена агрессии Н.В.Щербакова и А.А.Кравченко показали, что прямую оппозицию инстинктивизму составили теории, выводящие агрессию исключительно из социального опыта. Бихевиористы, прежде всего Дж. Доллард и его коллеги, выдвинули знаменитую «гипотезу фрустрации-агрессии»: агрессия всегда является следствием блокирования целенаправленного поведения (фрустрации). Позднее эта жёсткая формула была смягчена (Л. Берковиц показал, что фрустрация создаёт лишь готовность к агрессии, которая реализуется при наличии «посылов» — соответствующих стимулов), однако, как отмечают Н.В.Щербакова и А.А.Кравченко, сама идея связать агрессию с внешними препятствиями оказалась чрезвычайно плодотворной [29].

А. Бандура в рамках теории социального научения доказал, что агрессии учатся. Человек перенимает модели агрессивного поведения через наблюдение (особенно за значимыми фигурами — родителями, киногероями), а также через прямое подкрепление (когда агрессия приносит желаемый результат). Этот подход снимал с агрессии ореол фатальности и открывал путь для целенаправленного воспитания и коррекции через контроль среды, средств массовой информации и систему поощрений/наказаний [29].

Особое место в философско-психологическом анализе агрессии занимает Э. Фромм. В работе «Анатомия человеческой деструктивности» он провёл ключевое различие между «доброкачественной» и «злокачественной» агрессией. Первая — биологически адаптивна, служит защите жизни (оборонительная агрессия). Вторая — специфически человеческий феномен, не связанный с инстинктами, а порожаемый социальными условиями и экзистенциальными проблемами [21]. Корни «злокачественной» агрессии, по Э.Фромму, лежат в «синдроме некрофилии» (влечении к мёртвому, механическому, разрушению), который вырастает из бессилия, изоляции, скуки и, главное, из «бегства от свободы» — неспособности вынести бремя личной ответственности и автономии [24].

Современный этап исследования агрессии характеризуется отказом от поиска единой универсальной причины и признанием полипарадигмальности и системности подхода. Как отмечают исследователи [1; 22], феномен агрессии должен рассматриваться как многоуровневая система, где взаимодействуют биологические предпосылки (генетика, нейрофизиология, гормоны), психологические механизмы (характер, самооценка, когнитивные схемы), социально-экономические факторы (неравенство, фрустрация базовых потребностей) и культурно-исторический контекст (нормы, ценности, идеологии).

В XXI веке особую остроту проблеме агрессии придавала цифровая революция. Интернет, как отмечает А.А.Лисенкова [9], создал принципиально новую среду для проявления и распространения агрессии. Анонимность, дистантность, отсутствие невербальных сигналов и мгновенная скорость коммуникации привели к феномену «онлайн-раскрепощения». Кибербуллинг, троллинг, хейтерство,

флейминг, распространение деструктивного контента — всё это новые формы агрессии, обладающие лавинообразным эффектом и способные наносить серьёзный психологический ущерб. Цифровая среда стала как катализатором агрессивных настроений, так и пространством для их «безопасной» реализации, что, однако, не снижает, а зачастую усиливает общий уровень социальной напряженности [9].

Современные научные представления о социальных и средовых факторах киберагрессии у студентов

Цифровая социализация и нормализация агрессии в онлайн-среде. Как отмечается в многочисленных публикациях, ключевым фоном, на котором разворачивается киберагрессия, является сам процесс цифровой социализации современных российских студентов. Это поколение, для которого граница между онлайн и офлайн жизнью практически стерта. Социальные сети являются не просто средством общения, а основным пространством для построения отношений, самопрезентации, получения новостей и, что критически важно, формирования социальных норм [21]. В этом пространстве агрессивные паттерны поведения зачастую не кодифицируются как девиантные, а воспринимаются как допустимая, а иногда и поощряемая форма взаимодействия.

Агрессивный, категоричный стиль ведения споров, переходящий в личные оскорбления (флейминг), стал нормой на многих публичных цифровых площадках, от комментариев в новостных пабликах до обсуждений в студенческих чатах. Студент, включенный в эту среду, усваивает, что для того, чтобы быть услышанным или отстоять позицию, необходимо действовать напористо и даже агрессивно. Эскалация конфликта становится привычным сценарием.

Возможность действовать под псевдонимом или с минимальной идентификацией снижает чувство личной ответственности и эмпатии. В условиях российской интернет-культуры, где анонимные форумы и «подворотни» соцсетей исторически играли большую роль, этот фактор особенно силен [20].

Социокультурный контекст и макросоциальные тренды. Исследователи отмечают, что киберагрессия в российском студенчестве не существует в вакууме, она вписана в более широкий социальный контекст. Социально-экономическое напряжение и фрустрация, экономическая нестабильность, давление, связанное с будущим трудоустройством, страх не оправдать ожиданий семьи, создают у многих студентов хронический фон стресса и фрустрации. Киберпространство становится доступным и безопасным (для агрессора) каналом для сброса этого напряжения. Агрессия направляется не на реальный источник проблем (который может быть неочевиден или слишком могущественен), а на более доступные цели — однокурсников, участников сетевых дискуссий [23].

Российское интернет-пространство (Рунет) развивался с большей степенью свободы и одновременно анонимности, чем офлайн-публичное пространство. Здесь сформировались собственные, подчас очень жесткие, нормы коммуникации. «Демонстрация силы» через вербальную агрессию, цинизм как защитная реакция, коллективное «наездничество» — все это элементы цифровой культуры, которые студент усваивает еще до поступления в вуз и затем приносит с собой в студенческое сообщество [22; 25].

Особенности изучения личностных, когнитивных и ситуативных факторов киберагрессии у студентов

Личностные факторы киберагрессии. Многочисленные исследования, в том числе мета-анализы зарубежных авторов и свежие эмпирические данные по

российским выборкам, сходятся в том, что модель «Большой пятерки» предоставляет устойчивый концептуальный каркас для такого прогноза. Обобщая результаты [27; 30], можно выделить следующий профиль личности, ассоциированный с повышенным риском проявления киберагрессии.

Низкая доброжелательность (отсутствие уважительности, доверия, альтруизма и склонности к сотрудничеству), является, пожалуй, самым мощным отрицательным фактором. Студенты с низкими показателями по этой шкале проявляют черствость, цинизм, склонность к манипуляции и антагонизму. В конфликтах они ориентированы на соперничество, а не на поиск компромисса. В онлайн-среде, где отсутствует немедленная эмоциональная обратная связь от жертвы, этот дефицит эмпатии и пренебрежение чувствами других выступает ключевым разрешающим механизмом для агрессии. Именно низкая доброжелательность наиболее последовательно отличает как традиционных буллеров, так и киберагрессоров.

Низкая добросовестность характеризуется слабым самоконтролем, импульсивностью, неорганизованностью и пренебрежением к социальным обязательствам. Студенты с этой чертой склонны действовать, не задумываясь о последствиях, легко поддаются сиюминутным побуждениям и не следуют внутренним моральным нормам. В контексте киберпространства, с его иллюзией безнаказанности и анонимности, низкая добросовестность снимает последние внутренние барьеры.

Интересно, что эта черта также является значимым предиктором кибервиктимности, создавая образ «идеальной жертвы» — человека, который своими необдуманными онлайн-действиями (например, излишней откровенностью, провокационными высказываниями) сам может провоцировать агрессию в свой адрес.

Высокий нейротизм (эмоциональная нестабильность, тревожность, склонность к депрессивным состояниям и вспышкам гнева) также тесно связан с киберагрессией, особенно с её импульсивными, аффективными формами [27; 28]. Для студентов, переживающих стресс сессий, социального сравнения, неопределенности будущего, киберпространство может стать «громоотводом», куда выплескивается накопленное негативное эмоциональное напряжение. Агрессия в сети здесь выступает как дезадаптивный копинг-механизм, способ временного снижения психологического дискомфорта.

Связь с киберагрессией высокой экстраверсии более неоднозначна. С одной стороны, экстраверты социально активны, стремятся к вниманию и доминированию в группе. Киберпространство с его широкой аудиторией предоставляет для этого все возможности. Агрессивное поведение может использоваться как инструмент для завоевания статуса в онлайн-сообществах, привлечения внимания (например, в роли тролля) или укрепления связей внутри определенной группы через совместное «преследование» другого. С другой стороны, именно энергичность и общительность как аспекты экстраверсии могут иногда играть защитную роль [28].

Помимо черт «Большой пятерки», исследования выявляют глубокую связь киберагрессии с ценностно-мотивационной и моральной сферой личности. Анализ результатов исследований указывает на значимость таких индивидуалистических ценностей по Шварцу, как Власть (стремление к доминированию, социальному статусу) и Гедонизм (погоня за удовольствиями) [5]. Для студентов, ориентированных на власть, киберагрессия может быть инструментом утверждения своего превосходства и влияния в цифровом пространстве. Гедонистическая мотивация объясняет агрессию ради «забавы», развлечения, свойственную троллингу. При этом внутренний конфликт может создаваться одновременной выраженностью ценности Конформности (желание соответствовать групповым нормам). Если в референтной группе студента киберагрессивные практики поощряются или считаются нормой, конформное поведение будет

толкать его к участию в них, несмотря на возможные внутренние противоречия [5].

Крайне важным оказывается блок моральных оснований. Согласно теории Дж. Хайдта, моральные суждения опираются на несколько «оснований» [6]. Исследования показывают, что киберагрессия связана с дефицитом в сфере оснований, относящихся к заботе о благополучии других и справедливости. Студенты, совершающие акты онлайн-агрессии, демонстрируют сниженную чувствительность к страданиям жертвы и пренебрежение принципами честности и взаимности [6].

Таким образом, портрет студента, склонного к киберагрессии, складывается из нескольких взаимосвязанных уровней. На личностно-диспозиционном уровне это сочетание низкой доброжелательности и добросовестности с высоким нейротизмом. На ценностно-мотивационном уровне — ориентация на власть, гедонизм и конформность к девиантным групповым нормам при дефиците ценностей самоограничения и благожелательности [13]. На морально-нравственном уровне — селективная работа моральных оснований, их дисбаланс и склонность к рационализации. На индивидуально-психологическом уровне — частое наличие фона из антивитальных переживаний, одиночества и депрессивных тенденций, с которыми студент не умеет справляться конструктивно [13].

Когнитивные факторы киберагрессии. За фасадом грубых комментариев, троллинга и кибербуллинга в студенческой среде лежит сложная система мыслительных процессов и ситуативных триггеров. Если социальные и личностные факторы создают общий фон и предрасположенность, то именно когнитивные и ситуативные механизмы являются непосредственными «исполнителями», запуская агрессивный акт здесь и сейчас. Киберагрессия — это не просто спонтанная вспышка гнева; это часто результат специфических искажений восприятия, моральных компромиссов и реакции на конкретные стрессоры учебной и социальной жизни.

Когнитивная сфера студента, вовлеченного в киберагрессию, характеризуется рядом систематических искажений, которые деформируют восприятие ситуации, жертвы и собственных действий, выступая в роли внутреннего адвоката деструктивного поведения.

Фундаментальный когнитивный сдвиг в онлайн-среде — это восприятие собеседника не как целостной личности со своими чувствами, семьей и сложной внутренней жизнью, а как абстрактного «пользователя», «ника» (никнейма), набора символов на экране. Мозг не получает невербальных сигналов (мимики боли, дрожи в голосе), которые в офлайн-общении автоматически вызывают эмпатический отклик и сдерживают агрессию. Жертва становится симулякром, цифровым объектом, по отношению к которому моральные запреты ослабевают. Этот процесс усиливается в условиях массовых обсуждений в чатах или комментариях, где жертва теряется в «толпе» таких же аватаров [28].

Еще одним когнитивным фактором киберагрессии является враждебная атрибуция — склонность интерпретировать двусмысленные или нейтральные действия других как сознательно враждебные, направленные лично против себя. Студент, уже находящийся в состоянии стресса или обладающий личностной уязвимостью (высокий нейротизм), может прочитать в неэмоциональном ответе однокурсника в учебном чате («Дедлайн не меняется, сдавайте как можете») намеренное унижение или пренебрежение. Эта когнитивная ошибка трансформирует потенциально нейтральную ситуацию в личный вызов, требующий агрессивного ответа. В условиях академического соперничества и неопределенности такая интерпретативная модель становится частым триггером конфликтов.

Студенты-агрессоры активно используют в своем диалоге когнитивные искажения самооправдания, которые, по словам А.Бандуры, позволяют людям совершать аморальные действия без чувства вины [13]:

- моральное оправдание: «Я не оскорбляю, я просто жестко критикую его глупую позицию по поводу истории» (агрессия маскируется под принципиальность или интеллектуальный спор);
- смягчающее сравнение: «Да я всего лишь написал пару колкостей, а вот другие вообще его фотки редактировали!» (сравнение с гипотетически более жестокими действиями снижает воспринимаемую тяжесть своего поступка);
- перекладывание ответственности: «Меня все в чате поддержали, это была коллективная идея» или «Сам виноват, что такие глупые посты публикует» (диффузия ответственности на группу или обвинение жертвы) [12].

Клиповое мышление поощряет быстроту реакции, краткость, эмоциональный захват. Глубокий анализ контекста, проверка фактов, взвешенное формулирование ответа требуют времени и когнитивных усилий. Импульсивный, агрессивный ответ часто становится самым простым и быстрым когнитивным решением. Студент, привыкший потреблять информацию фрагментарно, может и так же фрагментарно, без рефлексии, реагировать, выхватывая из сообщения оппонента только тезис для атаки.

Ситуативные факторы. Когнитивные искажения создают почву для киберагрессии, но именно конкретные ситуативные факторы, характерные для жизни российского студента, активизируют ее. Академический стресс и дедлайн, периоды сессий, сдачи курсовых, защиты проектов — это время колоссального психоэмоционального напряжения. Состояние хронической усталости, страха неудачи и недосыпа снижает порог контроля над импульсами и повышает раздражительность. Конфликт в общем чате из-за распределения задач в групповом проекте, критика от однокурсника накануне экзамена могут спровоцировать взрывную киберагрессию как способ разрядки накопившегося стресса. В этом случае жертва становится просто удобной емкостью для слива негативных эмоций, источник которых — сама система академических требований [19].

Групповое давление и динамика в студенческих чатах — мощнейший ситуативный фактор. Даже студент, не склонный к агрессии, в условиях анонимного или полуанонимного чата может присоединиться к травле «чужака» (новенького, инакомыслящего, неуспешного) под влиянием:

- конформизма – стремления быть принятым в референтную группу;
- диффузии ответственности – ощущения, что вина распределится на всех;
- эффекта «онлайн-расторможенности» в группе – анонимность и поддержка единомышленников растормаживают еще сильнее;
- страха самому стать жертвой – не присоединиться к агрессии означает потенциально оказаться в оппозиции к группе [3; 8].

Личные жизненные кризисы и фрустрация, в целом ситуации, не связанные напрямую с вузом, но резко повышающие уровень фрустрации: ссора с партнером, финансовые проблемы, конфликт с родителями, чувство одиночества в большом городе также способствуют киберагрессии. Социальные сети и мессенджеры становятся ближайшим «полем», на которое проецируется эта боль и гнев. Не имея конструктивных навыков совладания с эмоциями, студент может спровоцировать ссору в сети или выплеснуть агрессию на случайного собеседника, чтобы почувствовать временное облегчение и иллюзию контроля [4; 7; 11].

Взаимодействие внутренних психологических характеристик и внешних условий. В данном контексте исследование, проведенное С.С. Антипиной и А.В. Микляевой [2], представляет собой значимый шаг вперед, предлагая и эмпирически обосновывая целостную модель социально-психологических детерминант киберагрессии у подростков.

Центральной целью исследования выступала эмпирическая верификация ранее разработанной теоретической модели, предполагающей, что киберагрессивное поведение подростков является результатом сложного взаимодей-

ствия набора внутренних психологических характеристик и внешних условий.

В качестве ключевых детерминант в модели были определены: уровень агрессивности, способность к эмпатии, предпочитаемые стили поведения в конфликтных ситуациях, коммуникативные характеристики (такие как контроль, импульсивность и направленность в общении) и социальный интеллект. Эти переменные рассматривались не изолированно, а в системе взаимосвязей, которая, в свою очередь, модулируется такими условиями, как пол, возраст и время, ежедневно проводимое подростком в интернете.

Для проверки этой комплексной гипотезы было предпринято масштабное эмпирическое исследование с участием 325 подростков в возрасте от 10 до 16 лет, учащихся общеобразовательных школ Санкт-Петербурга. Выбор данного возрастного диапазона не случаен: подростковый период характеризуется интенсивным социально-психологическим развитием, формированием идентичности, высокой восприимчивостью к влиянию сверстников и одновременной активной интеграцией в цифровую среду, что делает эту группу особенно уязвимой и склонной к проявлению как традиционной, так и киберагрессии [2].

Для диагностики склонности к киберагрессии использовался авторский опросник «Типология киберагрессии», который позволил дифференцировать поведение не только по интенсивности, но и по качественным особенностям, выделив четыре типа: импульсивно-ответный (спонтанная реакция на провокацию), произвольно-ответный (обдуманная месть), импульсивно-инициативный (спонтанные действия ради развлечения) и произвольно-инициативный (спланированные действия для достижения целей).

Остальные конструкторы измерялись с помощью апробированных и валидных методик: агрессивность — с помощью опросника Басса-Перри, эмпатия — шкалы Меграбяна-Эпштейна, стили поведения в конфликте — теста Томаса, социальный интеллект — шкалы Тромсо, а коммуникативные особенности — набора соответствующих опросников. Статистический анализ, центральным элементом которого стало моделирование структурными уравнениями (SEM), позволил не просто констатировать наличие отдельных связей, а проверить целостную архитектуру предложенной модели, оценив вклад каждого фактора с учётом их взаимного влияния.

Результаты исследования предоставили богатый материал для анализа и подтвердили сложный, многокомпонентный характер детерминации киберагрессии. Описательная статистика показала, что все исследуемые социально-психологические характеристики в той или иной степени представлены в подростковой выборке, а различные типы киберагрессии действительно имеют место, причём наиболее выраженными оказались ответные формы (особенно произвольно-ответная). Это указывает на то, что для многих подростков интернет-среда становится пространством для реакции на несправедливость или обиду, реальную или мнимую. Однако главная ценность работы заключается в результатах структурного моделирования, которые выявили специфические паттерны влияния каждой детерминанты на разные типы агрессии.

Так, было установлено, что агрессивность как личностная черта имеет наиболее прямое и сильное влияние на импульсивно-ответную киберагрессию. Подростки с высокими показателями физической агрессии и гнева, сталкиваясь с онлайн-провокацией, склонны реагировать немедленно и бурно, перенося в цифровое пространство модели поведения, характерные для офлайн-конфликтов. Примечательно, что связь гнева с другими типами агрессии оказалась отрицательной. Это говорит о том, что данный аффект, будучи нереализованным в прямой конфронтации, может трансформироваться в более холодные и расчётливые формы онлайн-агрессии.

Эмпатия, традиционно рассматриваемая как сдерживающий фактор агрессии, в этом исследовании проявила себя неоднозначно. Её прямое влияние было значимым лишь для произвольно-инициативной киберагрессии, причём связь

была положительной. Это, на первый взгляд, парадоксальное открытие можно интерпретировать в русле концепции «тёмной эмпатии» или макиавеллизма: развитая способность понимать эмоции и состояния других может использоваться не для сострадания, а для более точного и эффективного причинения вреда, для манипуляции или достижения собственных целей в сети. Таким образом, эмпатия в цифровом контексте может быть не только защитным, но и инструментальным фактором, что подчёркивает необходимость дифференцированного подхода к её воспитанию.

Одним из наиболее весомых блоков детерминант оказались стили поведения в конфликтной ситуации. С одной стороны, агрессивные стратегии, такие как соперничество, продемонстрировали устойчивые положительные связи практически со всеми типами киберагрессии, особенно с импульсивно-инициативной. Это подтверждает гипотезу о транслировании общих поведенческих паттернов из реальной жизни в виртуальную среду. Подросток, привыкший решать споры через конфронтацию и доминирование, с высокой вероятностью будет применять те же тактики и в онлайн-взаимодействиях. С другой стороны, стратегия приспособления показала отрицательную связь с произвольно-ответной агрессией, что логично: склонность уступать и избегать конфликта снижает вероятность участия в актах мести.

Социальный интеллект, как способность понимать и прогнозировать поведение других людей, также выступил значимым фактором киберагрессии. Высокие показатели социального интеллекта были связаны с произвольно-ответной и импульсивно-инициативной киберагрессией. Это, как и в случае с эмпатией, указывает на потенциально «тёмную» сторону социально-когнитивных способностей. Подростки с развитым социальным интеллектом лучше считывают социальные сигналы в сети, понимают уязвимости собеседников и могут использовать это знание как для развлекательной агрессии (троллинга), так и для более расчётливых действий.

Коммуникативные характеристики, такие как импульсивность в общении и манипулятивная направленность, закономерно усиливали склонность к киберагрессии, в то время как высокий коммуникативный контроль мог выступать сдерживающим фактором для некоторых её форм.

Возраст положительно коррелировал с инициативными типами киберагрессии, что может отражать как рост цифровой компетентности и уверенности в сети, так и возрастные изменения в мотивационной сфере подростков. Наиболее неожиданным результатом стало отсутствие прямой значимой связи между временем, проведённым в интернете, и общим уровнем киберагрессии. Это опровергает упрощённое представление о том, что чем больше подросток «сидит в сети», тем он агрессивнее. Вероятно, решающую роль играет не количество, а качество онлайн-активности, вовлечённость в определённые сообщества, контент и характер коммуникации.

Интегральная модель, прошедшая статистическую проверку и продемонстрировавшая приемлемые показатели соответствия, подтвердила свою адекватность. Она наглядно показывает, что киберагрессия не является следствием какого-то одного дефицита или травмы. Это продукт сочетания личностных диспозиций (агрессивность, низкий коммуникативный контроль), специфических социально-когнитивных навыков (социальный интеллект, эмпатия, используемые в деструктивных целях), устоявшихся поведенческих стратегий (конфликтные стили) и демографических факторов. Важно, что эти элементы взаимодействуют, усиливая или ослабляя влияние друг друга. Например, высокий социальный интеллект в сочетании с агрессивностью и склонностью к соперничеству создаёт «идеальную почву» для расчётливых форм киберагрессии.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволило осуществить комплексный анализ подходов к изучению социально-психологических факторов киберагрессии в студенческой среде и показать, что киберагрессия является не случайным или маргинальным феноменом, а системным, многоаспектным продуктом взаимодействия разноуровневых детерминант, укорененных как в индивидуальной психике, так и в социально-культурном контексте цифровой эпохи.

Основные выводы сводятся к следующему:

Социальные и средовые факторы, к которым относятся нормализация агрессивной риторики в цифровой культуре, анонимность, институциональная пассивность вузов, групповое давление в студенческих чатах, общественная поляризация и язык вражды, транслируемые через медиа, создают питательную среду для киберагрессии. Эти факторы не просто провоцируют агрессию, но и формируют восприятие ее как допустимой или даже эффективной формы коммуникации и самоутверждения.

Личностно-психологический портрет студента, склонного к киберагрессии, включает специфическое сочетание черт «Большой пятерки» (низкая доброжелательность и добросовестность, высокий нейротизм), ориентацию на индивидуалистические ценности при дефиците самоограничения, избирательность и рационализацию в работе моральных оснований.

Когнитивные и ситуативные факторы выступают непосредственными триггерами агрессивного акта. К ним относятся когнитивные искажения (дегуманизация жертвы, враждебная атрибуция, моральное отчуждение), которые в условиях ситуативного стресса (академические дедлайны, личные кризисы), групповой динамики и состояния онлайн-расторженности снимают внутренние барьеры и запускают агрессивную реакцию.

Эмпирическое исследование С.С.Антипиной и А.В.Микляевой подтвердило сложность детерминации, показав, что разные типы киберагрессии (импульсивно-ответный, произвольно-инициативный и др.) имеют различную психологическую подоплеку.

В качестве перспектив дальнейшего исследования видится разработка комплексной модели социально-психологических факторов киберагрессии у студентов и ее эмпирическая верификация.

Список литературы:

1. Агапов П. В. Человеческая агрессия в социальных науках: вопросы теории и методологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2(34). С. 7-12. EDN: TAVNLP
2. Антипина С.С., Микляева А.В. Социально-психологические детерминанты киберагрессии: эмпирическое обоснование теоретической модели // Российский девiantiологический журнал. 2025. № 2. С. 255-266. DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-255-266 EDN: GMVKRO
3. Богомоллова А.Г., Кот Е.А. Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети интернет // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 25-32. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-2-3 EDN: MAVDQD
4. Бородина В.Н. Роль детско-родительских отношений в возникновении кибербуллинга // МНКО. 2023. № 1(98). С. 138-141. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-138-141 EDN: EGEKMI

5. Воронина Н.В. Динамика ценностей индивидуализма /коллективизма среди российской и европейской молодёжи (на основе данных европейского социального исследования за 2006-2021 гг.) // Россия реформирующаяся. 2024. № 22. С. 146-178. DOI: 10.19181/ezheg.2024.6 EDN: AOIQPT
6. Заикин В. А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // Национальный психологический журнал. 2017. № 1(25). С. 32-38. DOI: 10.11621/prj.2017.0104 EDN: YJMQMV
7. Зернов Д.З., Шалютин Н.В. Молодёжь в социальных сетях: масштабирование социальных взаимодействий и практики формирования индивидуальных медиасред (на материалах региональных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 2. С. 27-54. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.2. EDN HVERVL
8. Лапенко А.В. Проблемы восприятия обучающимися буллинга и кибербуллинга в образовательной среде // Высшее образование сегодня. 2023. № 3. С. 106-111. DOI: 10.18137/RNU.NET.23.03.P.106 EDN: TPNUBH
9. Лисенкова А.А. Философия агрессии в цифровую эпоху // Философские науки. 2017. № 6. С. 137-147. EDN: ZHKEKX
10. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления// Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С.293-311. DOI: 10.21702/rpj.2016.3.17 EDN: UVJLFK
11. Малышева Е.А. Психология подросткового общения в условиях медиапространства // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2. С. 105-110. EDN: ZSPIZF
12. Молчанов С.В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 60-70. DOI: 10.11621/prj.2019.0307 EDN: SDTAJP
13. Оксенчук А. О. Личностные предикторы киберагрессии студенческой молодежи // Студент – Исследователь – Учитель. 2024. С. 308-309. EDN: UHLRJO
14. Подольский А.И., Гойко В.Л. Молодежь и интернет-контент: анализ больших данных // Вопросы психологии. 2021. № 3. С. 46-54. EDN: SUMAOW
15. Подольский А.И., Идобаева О.А. Quo vadis? траектории ценностно-мотивационного развития современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 45-59. EDN: HHAXYZ
16. Подольский А.И., Идобаева О.А., Гойко В.Л. Перспективы исследования взаимодействия молодежи с интернет-контентом // Кадры инновационного развития. 2022. № 1(1). С. 36-41. DOI: 10.18698/jpcid.2022.1.36-41 EDN: NWKSDF
17. Подростки и молодежь во взаимодействии с интернет-контентом: междисциплинарное исследование с использованием больших данных / А.И. Подольский [и др.]. Монография. М.: Издательство «Перо», 2021. 210 с.
18. Подростки и молодежь во взаимодействии с интернет-контентом: новые перспективы исследования / А.И. Подольский [и др.] // Кадровый потенциал инновационного развития. II Международная научно-практическая конференция. Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет). Москва, 2022. С. 165-171. EDN: CEWOZF
19. Сёмина М.В., Фёдорова Е.П. Проявление академического стресса у студентов: теоретические аспекты исследования // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. № 3. С. 63-74. DOI: 10.21702/ncpb.2023.3.5 EDN: WSUSXV
20. Фетисова Т. А. Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологии. 2018. № 4(87). С. 185-197.
21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Перевод / Авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с. EDN: SYVMVF

22. Храпов С.А., Копылова С.В. Феномен агрессии в социокультурной динамике: историко-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7(33): в 2-х ч. Ч. I. С. 210-214. EDN: QBKNKT
23. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ. Обзор зарубежных исследований / [И.Н. Погожина и др.] // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 61-89. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-60-94 EDN: IBZGEA
24. Чуракова Т.Л. Агрессия как проявление человеческой деструктивности // Вестник магистратуры. 2021. № 2-1(113). С. 111-116. EDN: OSODZX
25. Шаров А.А. Особенности киберагрессии как современного феномена девиантной активности у молодежи // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 6(184). С. 486-490. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p486-490 EDN: UNPWZX
26. Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом // Российский психологический журнал. 2019. № 2. С. 81-102. DOI: 10.21702/rpj.2019.2.5 EDN: RLDZCE
27. Шейнов В.П., Карпиевич В.А. Взаимосвязи черт личности модели «большая пятерка» с проблемным использованием социальных сетей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2025. № 1. С. 114-118. DOI: 10.52928/2070-1640-2025-43-1-114-118 EDN: YESYBB
28. Школьный буллинг: признаки социально-психологической дезадаптации у Обидчиков, Жертв и Обидчиков-жертв / [Т.В. Капустина и др.] // Российский психологический журнал. 2023. № 1. С. 235-251. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.15 EDN: RPAWGV
29. Щербакова Н.В., Кравченко А.А. Феномен агрессии: философско-правовой аспект // Образование и право. 2024. № 12. С. 457-462. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-12-457-462 EDN: OUWWRE
30. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. V. 124. P. 150-159.

Theoretical approaches to studying the socio-psychological factors of cyberaggression among students

Shubina Alena Igorevna

Postgraduate student, Department of Personality Psychology in Management Systems, FEDM GSPM, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation
e-mail: siphone666@yandex.ru

Scientific Supervisor:

Podolskaya Tatyana Afanasyevna

Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Personality Psychology in Management Systems, FEDM GSPM, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation

e-mail: **tpodolskaya@list.ru**

RSCI SPIN code: 9735-5743

ORCID ID: 0000-0003-0337-051X

Abstract

The article is devoted to analyzing theoretical approaches to the study of socio-psychological factors of cyberaggression among students. The phenomenon of aggression is examined through the history of science, alongside social and environmental factors of cyberaggression; an analysis is conducted of research on personality, cognitive, and situational factors of cyberaggression among students. A synthesis of research findings indicates that different types of cyberaggression have distinct psychological underpinnings, thereby confirming the complex determination of this phenomenon. The theoretical analysis allows for drawing conclusions about the specific functioning of various factors that drive the development and manifestation of cyberaggression among students. It is shown that social and environmental factors create a breeding ground for cyberaggression, not merely provoking it, but also shaping its perception as an acceptable form of communication and self-assertion. Personality factors of student cyberaggression include a specific combination of Big Five traits (low agreeableness and conscientiousness, high neuroticism), a focus on individualistic values coupled with a lack of self-restraint, and the selectivity and rationalization of moral foundations. The personality factors behind student cyberaggression include a specific combination of the «Big Five» traits (low agreeableness and conscientiousness, high neuroticism), a focus on individualistic values with a lack of self-restraint, and selectivity and rationalization of moral foundations. Cognitive and situational factors serve as direct triggers for an aggressive act.

Keywords

• cyberaggression • students • socio-psychological factors • social factors • environmental factors • personal factors • cognitive factors • situational factors •

References:

1. Agapov P.V. Human aggression in social sciences: issues of theory and methodology // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social sciences. 2014. N 2(34). P. 7-12. EDN: TAVNLP
2. Antipina S.S., Miklyaeva A.V. Social and psychological determinants of cyberaggression: empirical substantiation of the theoretical model // Russian journal of deviantology. 2025. N 2. P. 255-266. DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-255-266 EDN: GMVKRO
3. Bogomolova A.G., Kot E.A. Forensic aspects of cyberbullying as a form of destructive behavior on the Internet // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. N 2. P. 25-32. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-2-3 EDN: MAVDQD

4. Borodina V.N. The role of parent-child relationships in the emergence of cyberbullying // MNKO. 2023. N 1(98). P. 138-141. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-138-141 EDN: EGEKMI
5. Voronina N.V. Dynamics of Individualism/Collectivism Values Among Russian and European Youth (Based on Data from the European Social Survey for 2006-2021) // Russia under Reform. 2024. N 22. P. 146-178. DOI: 10.19181/ezheg.2024.6 EDN: AOIQPT
6. Zaikin V.A. Moral Functioning: A Social-Psychological Approach. J. Haidt's Social-Intuitionist Theory // National Psychological Journal. 2017. N 1(25). P. 32-38. DOI: 10.11621/npj.2017.0104 EDN: YJMQMV
7. Zernov D.Z., Shalyutina N.V. Young People in Social Networks: Scaling Social Interactions and Practices of Forming Individual Media Environments (Based on Regional Research) // Sociological Science and Social Practice. 2024. Vol. 12. N 2. P. 27-54. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.2. EDN HVERVL
8. Lapenko A. V. Problems of students' perception of bullying and cyberbullying in the educational environment // Higher education today. 2023. N 3. P. 106-111. DOI: 10.18137/RNU.HET.23.03.P.106 EDN: TPNUBH
9. Lisenkova A.A. Philosophy of Aggression in the Digital Age // Philosophical Sciences. 2017. N 6. P. 137-147. EDN: ZHKEKX
10. Makarova E.A., Makarova E.L., Makhrina E.A. Psychological Features of Cyberbullying as a Form of Internet Crime // Russian Psychological Journal. 2016. Vol. 13. N 3. P. 293-311. DOI: 10.21702/rpj.2016.3.17 EDN: UVJLFK
11. Malysheva E.A. Psychology of Adolescent Communication in the Media Space // Kazan Pedagogical Journal. 2019. N 2. P. 105-110. EDN: ZSPIZF
12. Molchanov S.V. Moral Self-Justification as the Myth of "Moral Freedom" of the Individual // National Psychological Journal. 2019. N 3(35). P. 60-70. DOI: 10.11621/npj.2019.0307 EDN: SDTAJP
13. Oksenchuk A. O. Personality Predictors of Cyberaggression in Student Youth // Student – Researcher – Teacher. 2024. P. 308-309. EDN: UHLRJO
14. Podolsky A. I., Goiko V. L. Youth and Internet Content: Big Data Analysis // Questions of Psychology. 2021. N 3. P. 46-54. EDN: SUMAOW
15. Podolsky A.I., Idobaeva O.A. Quo vadis? Trajectories of Value-Motivational Development of Modern Russian Youth // Voprosy Psichologii. 2019. N 2. P. 45-59. EDN: HHAXYZ
16. Podolsky A.I., Idobaeva O.A., Goiko V.L. Prospects for Studying Youth Interaction with Internet Content // Personnel for Innovative Development. 2022. N 1(1). P. 36-41. DOI: 10.18698/jpcid.2022.1.36-41 EDN: NWKSDF
17. Adolescents and Young Adults Interacting with Internet Content: An Interdisciplinary Study Using Big Data / A.I. Podolsky et al. Monograph. Moscow: Pero Publishing House, 2021. 210 p.
18. Adolescents and Young Adults Interacting with Internet Content: New Research Prospects / A.I. Podolsky [et al.] // Human Resources Potential for Innovative Development. II International Scientific and Practical Conference. Bauman Moscow State Technical University (National Research University). Moscow, 2022. P. 165-171. EDN: CEWOZF
19. Semina M.V., Fedorova E.P. Academic Stress in Students: Theoretical Aspects of the Study // North Caucasian Psychological Bulletin. 2023. N 3. P. 63-74. DOI: 10.21702/ncpb.2023.3.5 EDN: WSUSXV
20. Fetisova T.A. Aggressive behavior in Internet communication. Review // Bulletin of Cultural Studies. 2018. N 4(87). P. 185-197.
21. Fromm E. Anatomy of human destructiveness: Translation / Author's introduction. article P.S. Gurevich. Moscow: Respublika, 1994. 447 p. EDN: SYVMVF
22. Khrapov S.A., Kopylova S.V. The phenomenon of aggression in sociocultural dynamics: historical and philosophical analysis // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice. 2013. N 7(33): in 2 parts. Part I. P. 210-214. EDN: QBKNKT

23. Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical-categorical analysis. Review of foreign studies / I.N. Pogozhina [et al.] // Issues of Education. 2020. N 3. P. 61-89. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-60-94 EDN: IBZGEA
24. Churakova T. L. Aggression as a manifestation of human destructiveness // Bulletin of the Magistracy. 2021. N 2-1(113). P. 111-116. EDN: OSODZX
25. Sharov A.A. Features of cyberaggression as a modern phenomenon of deviant activity among young people // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2020. N 6(184). P. 486-490. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p486-490 EDN: UNPWZX
26. Sheynov V.P. Relationships between victimization and extroversion, neuroticism, and psychological gender // Russian Psychological Journal. 2019. N 2. P. 81-102. DOI: 10.21702/rpj.2019.2.5 EDN: RLDZCE
27. Sheynov V.P., Karpievich V.A. Relationships between the Big Five Personality Traits and Problematic Use of Social Networks // Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. 2025. N 1. P. 114-118. DOI: 10.52928/2070-1640-2025-43-1-114-118 EDN: YECYBB
28. School bullying: signs of socio-psychological maladjustment in offenders, victims, and offender-victims / [T.V. Kapustina et al.] // Russian Psychological Journal. 2023. N 1. P. 235-251. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.15 EDN: RPAWGV
29. Shcherbakova N.V., Kravchenko A.A. The phenomenon of aggression: philosophical and legal aspect // Education and Law. 2024. N 12. P. 457-462. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-12-457-462 EDN: OUWWRE
30. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. V. 124. P. 150-159.

Поступила в редакцию: 15.02.2026

Принята в печать: 20.03.2026